

середины XIX века / С.В. Бурмистрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2012. – № 8. – С. 73-79.

Лебедев В. О духе, в коем развивалась российская литература со времен Ломоносова, и влиянии, какое имели на сие развитие литературы иностранные» / В. Лебедев. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1833. – 56 с.

Плечова Н.П. Идиллия в нравоописательном романе Д.Н. Бегичева «Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян» / Н.П. Плечова [электрон. ресурс]. – Режим доступа: pskgu.ru/projects/pgu/storage/wt/wt151/wt151_24.pdf (дата обращения: 21.01.2013).

Русские писатели: библиографический словарь: в 2 ч. / под ред. П.А. Николаева. – Ч. 1. – М. : Просвещение, 1990. – 430 с.

Фридлендер Г.М. Нравоописательный роман в творчестве романтиков 30-х годов / Г.М. Фридлендер // История русского романа : в 2 т. – Т. 1. – М. ; Л., 1962. – С. 251-277.

О РОССИИ И РУССКИХ ПО-ЗАПАДНОМУ: «ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ» ВАСИЛИЯ ЯНОВСКОГО

М.А. Ширяева

*Научный руководитель: Л.В. Жаравина,
доктор филологических наук, профессор (ВГСПУ)*

Василий Яновский неоднократно утверждал, что ни один из «старшего поколения» эмигрантов не имеет никакого отношения к достижениям эмигрантской литературы. Литература русского зарубежья, по его мнению, была представлена только творчеством «младшего поколения» прозаиков и поэтов, вынужденных в трудных условиях обращаться к творческому поиску, объединяя в себе традиции как русской, так и зарубежной литературы. Оказавшись в эмиграции, Яновский сформировался как литератор в предвоенном Париже. В своих мемуарах он скупыми и точными штрихами воссоздает творческую атмосферу литературного Парижа 30-х годов с ощутимым предчувствием приближающейся войны. Перед нами проходит целый ряд и как выдающихся, так и вполне заурядных деятелей эмиграции, от Бунина и Мережковского до Злобина и Проценко, и каждое, даже самое обыкновенное лицо запечатлевается благодаря ярким деталям, используемых автором.

Задача мемуаров В. Яновского заключается в том, чтобы превратить субъективное художественное повествование в более или менее объективный исторический документ, и потому книгу предваряет эпиграф из Вольтера «О мертвых мы обязаны говорить только правду» и комментарий к нему автора: «Я должен вас предупредить, чтобы вы не удивлялись, если я буду о мертвых повествовать, как о живых».

К характерным чертам повествования Яновского относится еще и то,

что он не только воссоздает жизненный материал в бытовой плоскости, не только описывает характеры представителей эмиграции в их повседневных проявлениях, но и освещает духовную атмосферу русского Парижа.

Сам инструмент Василия Яновского по существу интеллектуален, его воспоминания ценны не количеством фактов, не объемом материалов, не линейной полнотой изложения, а «вертикальным» (по его собственному выражению), выборочным, осмысленным подходом к жизненной реальности [Довлатов: 2012: 6].

Основное внимание В. Яновский уделяет жизни эмигрантов уже после отъезда из России. Сама Россия если и упоминается, то в связи с фактами и реалиями советского строя: «Признаюсь, трепет охватил меня, когда я впервые увидел ее в мирной столовой за стаканом чая визави учтивого Керенского. Еще один круг сомкнулся. Мне вдруг стало ясно, что история имеет смысл, часто даже противоположный нашим ожиданиям, но разобраться в этом трудно, остановившись где-то посередине процесса» [Яновский: 2012: 98]. Русская же история рассматривается с позиции отстранения: «Говорю это в связи с русской историей последних ста лет: какая героическая эпоха! Что ни юноша, то революционер, то святой, жертва, светлый мученик. Ведь они все шли на каторгу – за идеи, за народ... Те самые, что сейчас бегают по Нью-Йорку, стараясь перебить друг другу аванс под новый казенный “проект”. Бывшие подвижники превратились в нечто похожее на подрядчиков времен Крымской войны, о которых так проникновенно писал ужасный Салтыков-Щедрин» [Яновский: 2012: 84]. Автор проводит сопоставление того мира, в котором он живет, и даже не того, в котором он жил, а некоего собирательного образа России, созданного при соединении России реально-исторической, литературной и современной автору: «В самом деле, может ли что-нибудь заменить пейзаж латинской Европы, ее климат, позволяющий не только заниматься живописью круглый год, но и собирать два-три урожая картофеля? (В таких землях не может быть хронического, регулярно повторяющегося голода, как, помните, в России, все равно – татарской, царской или социалистической.) А снег и метель оставим для зимнего спорта: месяц в году» [Яновский: 2012: 73]. Причем, как мы это можем увидеть из дальнейшего, сравнение будет явно не в пользу оставленной родины – наиболее восторженные характеристики достаются зарубежным странам, родная же упоминается вскользь: «Этот особый воздух зарубежного, или классического, Парижа я определяю словом “свобода”! Насквозь пронизывает чувство: все можно подумать, сказать, и в духовном, и в бытовом плане, все по-иному взвесить, уразуметь, перестроить... Причем это ничего общего не имеет с

надрывами Достоевского или Ницше, с пожарами над Рейном или Невою, без всяких даже теорий познаний или хождений в народ, соборности и мифологии. Свобода в каком-то будничном, насущном, уютном, поэтическом сплошном потоке. Это Франция, это Париж, где все еще господствуют Декарт с Паскалем, одинаково в лачугах и дворцах, у природных галлов и у “sales meteques” [чужаков], собравшихся туда, но не случайно, со всего света как будто на пикник... И мы просыпались, содрогаясь от слез. Дополнительно нас мучил еще другой кошмар: почему-то очутились на родине... И вместе со слезами умиления холодное отчаяние: это непоправимая, роковая беда!» [Яновский: 2012: 117-118]. Эта черта является нетипичной для большинства мемуаров русского зарубежья. Если в основной массе воспоминания посвящаются оставленной стране, светлым моментам, связанным с Родиной, то тут мы наблюдаем обратную тенденцию. Возможно, это связано с тем, что в эмиграцию Василий Яновский попал в сравнительно молодом возрасте и ощущал меньшую духовную связь с Россией.

О русских эмигрантах (собираательно, в массе) Яновский пишет с некоторой долей жалостливого пренебрежения – несмотря на то, что относится к этой массе сам: «И действительно, при внешнем взгляде на эмигрантскую массу поражала общая неосновательность, лживость, даже бесчестность, какая-то особая непрочность всего существования с нелепыми затеями и грандиозными прожектами без достаточных фондов. В придачу – полное неуважение к местным законам... Страх перед городовым, неуверенность в собственных правах, просроченные документы, хлопоты о праве на жительство, о праве на труд (ави фаворабль) и обилие пораженческих анекдотов. Все это способствовало сближению разных поколений, слоев и волн русской эмиграции, закаляя ее творческие черты, собирая в один живой кулак... Впрочем, некоторую роль играли, конечно, и воздух французский, пейзаж, виноградный сок, наконец – закон (lex)» [Яновский: 2012: 166-167]. Описания русского мира, приводимые им в своих мемуарах, является не радужными: «Оказалось, что русский мир – косная биологическая стихия, все принимающая в трезвом виде, мечтающая об индивидуальной телке и о полоске частного огорода. Если очень круто придется, то мы под пьяную руку разобьем чужую усадьбу, пианино загадим и заночуем в участке или в вытрезвителе» [Яновский: 2012: 191].

Многое Василий Яновский пишет и о типичном, с его точки зрения, русском характере, причем образ вырисовывается неприглядный (насколько правдивый – вопрос особый). Одной из отличительных черт русской натуры Яновский видит подлость, сделанную неожиданно, или привычку столь же внезапно повести себя неприлично. Он считает это

рудиментом пещерной культуры, характерным для Востока вообще и для России (с его точки зрения, страны скорее восточной) в частности. Долг писателя ратовать за народ выставляется в нарочито нелепом виде, как и шокировавшее молодого и начинающего тогда писателя эксцентричное поведение литературной богемы.

Много, как уже было сказано выше, рассуждений о литературе, литературных деятелях (основном пласте эмигрантов), теологии, культуре в целом – это неотъемлемая часть жизни писателя. Яновский создает не портрет, а духовный образ героя, высвеченный памятью. Внимание Яновского привлекает всякий очаг смысла – человек, позиция, идея и пр. Писатель часто выступает в своей книге и в качестве литературного критика. От критических суждений о литературе Яновский органично переходит к размышлениям об истории, причем и те, и другие как бы сопутствуют рассказу о человеке, событии, сопутствуют наблюдениям, переживаниям повествователя. В описании Василия Яновского все бедствующие или воюющие страны проявляют в этом бедствии общие черты, приобретают общее лицо, на передний план выходят присущие всем расам и народам пороки и грехи. С точки зрения эмигранта война теряла свой национальный облик и получала статус общемировой катастрофы. И именно это ощущение «общемирности» и является ключевым в мемуарах Яновского – если прочие рассмотренные нами мемуаристы подчеркивают свою духовную общность с оставленной родиной, то Яновский явно ощущает себя гражданином мира, России мало чем обязанный, а потому говорящий о ней почти как иностранец.

Список литературы

Довлатов С. Против течения Леты / С. Довлатов // Яновский В. Поля Елисейские. – М., 2012. – С. 3-7.

Яновский В.С. Поля Елисейские / В.С. Яновский. – М. : Астрель, 2012. – 479 с.

«ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ: ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

О.А. Бондарь

*Научный руководитель: А.А. Арустамова,
доктор филологических наук, профессор (ПГНИУ)*

Роман «Град обреченный» был написан в 1972 году, однако авторами он задумывался еще в 1967 году. Целью братьев Стругацких, по их собственным словам, было показать человека, «повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под